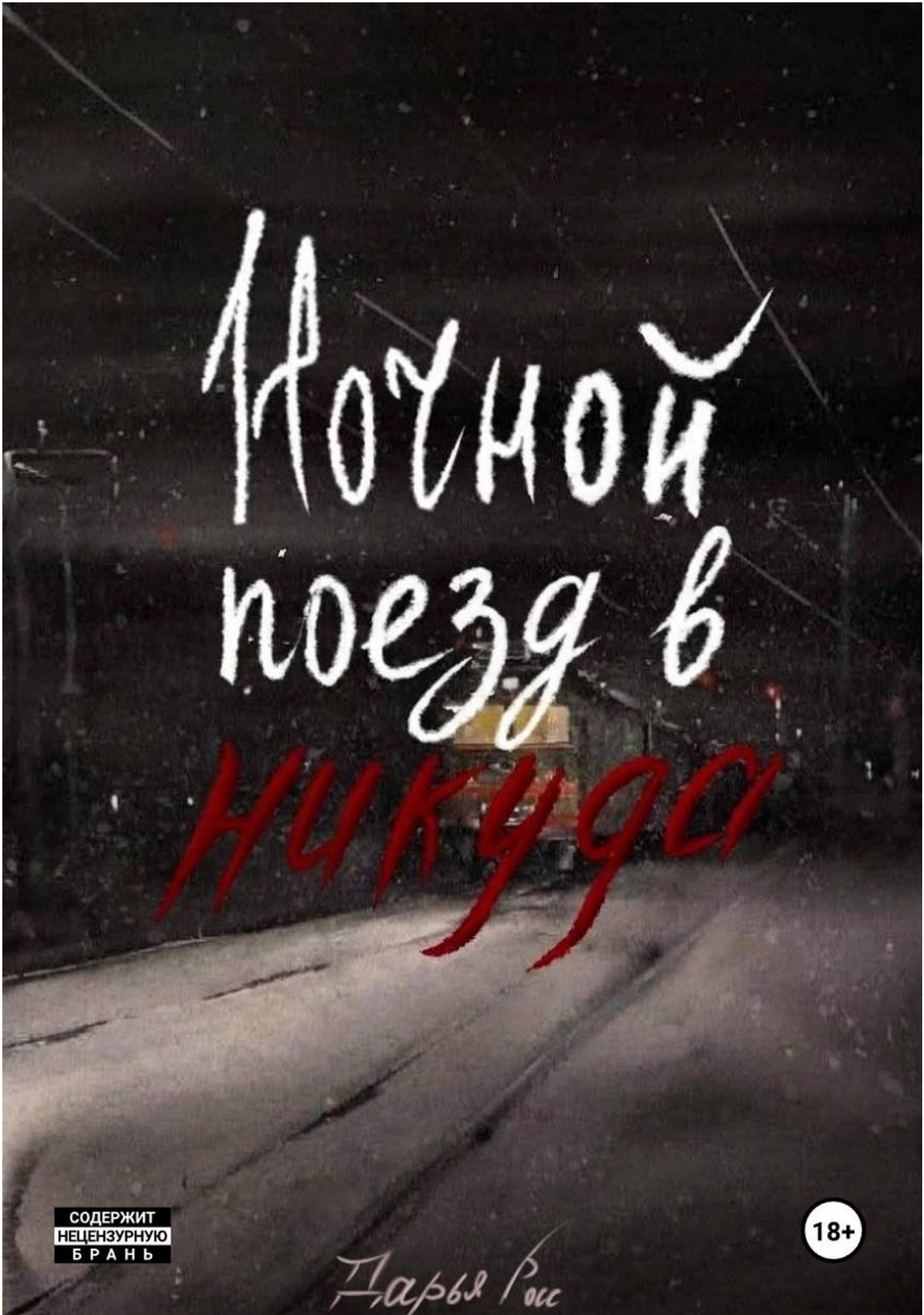

Ночной поезд в никуда
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
Дарья Росс

Дарья Росс

Ночной поезд в никуда

«Автор»
2026

Росс Д.

Ночной поезд в никуда / Д. Росс — «Автор», 2026

Ночной экспресс застревает в снежном заносе на глухом перегоне «Мёртвая падь». В девятом вагоне всего семь человек и среди них нет ни одного случайного пассажира.Судебный психиатр Кай Вэнс этапирует в закрытую клинику опасного серийного убийцу в пластиковом намордник, который утверждает, что слышит ложь и страх в голосах людей сквозь стены. Но когда с потолка коридора начинает капать свежая кровь, а из вентиляционной шахты выпадает тело с вырезанным сердцем и тикающими часами внутри, становится ясно: охота уже началась.Двери вагона заперты на три оборота. Связи нет. До рассвета восемь часов. Каждый из попутчиков связан с трагедией в заброшенном психоневрологическом интернате «Тихая Заводь», но настоящий кукловод сидит гораздо ближе, чем кажется. И когда поезд сам тронется с места в полночь, выжившие поймут, что страшнее маньяка в наморднике только правда о том, кто на самом деле держит ключ от клетки.

© Росс Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 16
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Дарья Росс
Ночной поезд в никуда

Глава 1

14 ноября, 21:54. Платформа 4, вагон СВ 09.

Ледяной ветер гнал по перрону сухую снежную крупу, швыряя её в тусклые фонари и в спины редких провожающих. Воздух пах креозотом, мокрым углём и тем особым, металлическим предчувствием затяжной метели, от которой стынут суставы.

Кай Вэнс стоял у самого края платформы, засунув руки в глубокие карманы тёмного шерстяного пальто. Его взгляд — тяжёлый, привыкший вскрывать чужие черепные коробки без трепанации — скользил по запотевшим окнам девятого вагона. Обычный ночной экспресс, потрёпанный временем, с тусклым жёлтым светом в коридоре. Идеальный гроб на колёсах, если погода окончательно сойдёт с ума.

— Доктор Вэнс? — голос прозвучал сбоку, с лёгкой, едва уловимой хрипотцой.Кай медленно повернул голову. Перед ним стоял проводник — мужчина лет пятидесяти с осунувшимся, землистым лицом и слишком аккуратно зачёсанными назад седыми висками. В руках он сжимал планшет с бланками, но костяшки его пальцев побелели так, словно он держался за край обрыва.

— Я, — коротко бросил Кай, не вынимая рук из карманов. — Ваш список пассажиров. Вы сказали, вагон выкуплен не полностью, но мест почти нет.

— Всё верно, — проводник кивнул, нервно сглотнув. Кадык дёрнулся под жёстким воротником форменной рубашки. — Семь человек, считая вас и… вашего подопечного. Остальные купе пустуют, из-за штормового предупреждения половина рейсов отменена. Меня зовут Артур. Прошу, поднимайтесь, через шесть минут отправление. Начальство распорядилось выделить вам третье купе. Замок там усиленный, как вы и запрашивали.

Кай едва заметно прищурился, изучая лицо Артура. Профессиональная привычка: в мешках под глазами проводника читалась не просто усталость, а застарелая, липкая бессонница. И ещё кое-что — на правом запястье мужчины, чуть выглядывая из-под манжета синего кителя, темнел свежий, грубо затянутый шрам, похожий на ожог от раскалённой проволоки.

— Благодарю, Артур, — ровно произнёс Кай и кивнул в сторону тени, замершей у массивной чугунной колонны. — Ведите.

Из полумрака шагнули двое конвоиров, ведя между собой человека, закутанного в бесформенную серую парку. Даже сквозь плотную ткань было видно, насколько он худ — острые, хищные лопатки перекатывались под одеждой при каждом движении. На запястьях и щиколотках глухо звякнули стальные звенья кандалов. Лицо узника скрывала жёсткая пластиковая маска-намордник с мелкими вентиляционными отверстиями, оставлявшая открытыми только глаза.

Глаза эти были светлыми, почти бесцветными, как осколки речного льда. Когда конвоиры подтолкнули его к ступеням вагона, заключённый на секунду остановился. Он не посмотрел на Кая. Его взгляд впился прямо в лицо проводника, а затем медленно спустился к его горлу.

Из-под пластика донёсся тихий, шипящий вдох — словно человек принюхивался к прогорклому маслу.

Артур дёрнулся, отступая на полшага назад, и чуть не выронил планшет.

— Шевелись, падаль, — сквозь зубы процедил старший конвоир, грубо толкая узника в плечо. — Не задерживай.

Они поднялись в тамбур, где пахло дешёвым табаком и хлоркой. Узкий коридор вагона встречал глухим, вязким полумраком. Красная ковровая дорожка давно вытерлась до серого основания, а медные поручни вдоль окон тускло поблёскивали, храня на себе отпечатки десятков чужих пальцев.

Пока конвоиры заталкивали заключённого в третье купе и возились с тяжёлыми наручниками, пристёгивая их к стальной скобе под нижней полкой, Кай остался стоять в коридоре. Он прислонился плечом к деревянной переборке и наблюдал за тем, как мимо проходят остальные попутчики, расходясь по своим отсекам.В первое купе скрылась высокая женщина в безупречно скроенном кашемировом пальто цвета запекшейся крови. Она двигалась плавно, с той холодной, отточенной грацией, какая бывает у людей, привыкших распоряжаться чужими жизнями. На её безымянном пальце, когда она поправляла прядь тёмных волос, блеснуло массивное кольцо с чёрным камнем — но Кай заметил, что кожи под ним касалась тонкая, почти незаметная полоска пластыря. Словно украшение было ей велико, или она пыталась скрыть свежее покраснение.

Во второе купе протиснулся грузный мужчина с одышкой и дорогой кожаной сумкой, от которого за версту несло сладковатым парфюмом и перегаром. Проходя мимо Кая, он даже не поднял головы, лишь раздражённо фыркнул, утирая взмокший лоб шёлковым платком, на котором темнело крошечное, размером с булавочную головку, бурое пятнышко.

Четвёртое купе заняла молодая девушка с огромным рюкзаком и наушниками на шее. Она выглядела напуганной, словно загнанный зверёк, и то и дело оглядывалась на дверь пятого купе, откуда уже доносился чей-то нервный, срывающийся шёпот. Там ехали двое — мужчина и женщина, судя по обрывкам фраз, они уже успели поссориться ещё до того, как поезд тронулся.

— Всё готово, доктор Вэнс, — старший конвоир вышел из третьего купе, вытирая ладони о штаны, будто испачкался в чём-то липком. — Пристегнули намертво.

Ключи от кандалов и от замка двери — у вас, как по инструкции. Через восемь часов в Озёрном вас встретит спецгруппа. Не снимайте с него намордник, даже чтобы воды дать. Он себе язык откусит и захлебнётся, лишь бы вас заляпать.

— Я читал его дело, сержант, — сухо ответил Кай, принимая связку холодных ключей. — Можете идти.

Конвоиры ушли, громко хлопнув тяжёлой дверью тамбура. Поезд дёрнулся. Старые сцепки жалобно заскрежетали, вагоны качнулись, и за чёрными окнами медленно поплыли тусклые огни уходящего перрона, тут же утонувшие в густой снежной круговерти.

ровно в 22:00 экспресс нырнул в темноту.

Кай повернул ключ в замке третьего купе, вошёл внутрь и плотно прикрыл за собой дверь, отсекая глухой стук колёс и приглушённые голоса из коридора.Внутри горел только тусклый синий ночник. Заключённый сидел на нижней полке, привалившись спиной к обитой дерматином стене. Стальная цепь тянулась от его левого запястья к металлической проушине в полу, не позволяя даже дотянуться до столика.

Кай сел напротив, расстегнул пальто и положил на стол тонкую картонную папку с грифом «Совершенно секретно». Он не стал сразу начинать разговор. Психиатр знал: тишина давит на людей сильнее любого допроса, выворачивая наружу то, что они пытаются спрятать за словами.

Прошла минута. Вторая. Поезд набирал ход, ритмично постукивая на стыках, а за стеклом уже вовсю бесновалась метель, швыряя в окно горсти ледяной крошки.Заключённый медленно повернул голову. Пластиковая решётка на его лице блеснула в синем свете.

— Вы пахнете старой бумагой, доктор, — голос из-под маски прозвучал глухо, с лёгким, неприятным призвуком трения пластика о кожу, но интонации были пугающе спокойными, почти бархатными. — И ещё… разочарованием. Вы не хотели брать этот заказ. Вас заставили.

— Моя биография не тема нашей беседы, Элиас, — ровно произнёс Кай, не сводя глаз с его зрачков. — Мне нужно лишь доставить тебя в клинику в целости.

Элиас тихо рассмеялся и звук получился сухим, похожим на шорох сухих листьев по асфальту. Он слегка наклонил голову набок, прислушиваясь к чему-то за пределами купе.

— В целости… Какое смешное слово для этого вагона, — прошептал он, и его ледяные глаза вдруг расширились, впиваясь в лицо психиатра. — Вы ведь слышали их голоса на перроне, доктор? Проводника. Женщину в красном. Толстяка с платком.

Кай промолчал, лишь слегка подавшись вперёд.

— Голос никогда не врёт, — продолжал Элиас, и в его тоне впервые прорезалась хищная, вибрирующая нотка. — Страх… Вина… А предвкушение… о, у предвкушения совсем особый тембр. Оно звенит, как натянутая струна перед тем, как лопнуть!

Он дёрнул скованной рукой и цепь глухо лязгнула о металл.

— Я не знаю, за что меня везут в эту вашу клетку, доктор. Но я точно знаю, что до шести утра этот поезд не доедет. И половина из тех, кто сейчас пьёт чай в соседних купе, не доживёт до рассвета. Потому что среди них сидит тот, кто уже начал свою работу. И он не остановится, пока не заберёт всё, за чем пришёл.

За двенадцать лет работы в закрытых стационарах он наслушался пророчеств от психопатов всех мастей: одни видели червей под кожей санитаров, другие слышали голоса мёртвых матерей в гуле вентиляции. Бредовая проекция — классический защитный механизм психики, загнанной в угол.

— Интересная теория, Элиас, — ровно произнёс психиатр, доставая из внутреннего кармана пиджака тонкий серебристый диктофон. Он нажал на кнопку записи, и крошечный красный огонёк вспыхнул в синем полумраке, отразившись в пластике намордника. — Попытка переключить моё внимание с твоих собственных преступлений на вымышленную угрозу. Старый трюк. Девять жертв за два года, и у каждой — вырезанные голосовые связки. Ты не «читаешь» чужие грехи, Элиас. Ты просто затыкаешь людям рты, потому что не выносишь собственного внутреннего шума.

Заключённый медленно моргнул. Его зрачки, расширенные в темноте, сузились до булавочных уколов.

— Вы читали протоколы вскрытия, доктор, — тихо сказал он, подаваясь вперёд настолько, насколько позволяла натянувшаяся до звона цепь. — Но вы не слушали записи с их автоответчиков. Вы не слышали, как они кричали за секунду до того, как лезвие касалось их горла. В их крике не было ужаса. Там было… облегчение.

— Патологическая рационализация, — Кай сделал короткую пометку в блокноте, даже не глядя на бумагу. — Продолжай. Кто же, по-твоему, этот мифический мясник в нашем вагоне?

Элиас усмехнулся — под маской дёрнулись уголки его бледных губ, натягивая кожу на острых скулах.

— Послушайте сами, доктор. Выйдите в коридор. Предложите им чаю. Попросите кого-нибудь передать вам солонку или зажигалку. Обратите внимание на того, чей голос звучит слишком ровно. Без дрожи. Без хрипа. Как хорошо смазанный механизм. У обычных людей в такую метель голос всегда немного садится от холода и тревоги. У охотника — никогда.

В этот момент вагон резко тряхнуло.

Металл под полом взвыл от чудовищного трения. Колёса заскрежетали так пронзительно, словно поезд пытался вгрызться в рельсы зубами. Кай инстинктивно упёрся ладонью в край столика, чтобы не слететь с полки. Диктофон покатился по гладкому пластику и упал на пол, глухо стукнувшись о ботинок Элиаса.Свет в купе мигнул, погас на пару секунд, погрузив их

в кромешную, удушливую темноту, а затем вспыхнул тусклым аварийным желтоватым свечением.

За окном больше не мелькали редкие огни полустанков и чёрные силуэты телеграфных столбов. Стекло мгновенно затянуло плотной, непроглядной белой пеленой. Ветер снаружи завыл на новой, высокой ноте, ударяя в обшивку вагона тяжёлыми снежными зарядами. Поезд замедлял ход — не плавно, как перед станцией, а судорожно, рывками, пока с тяжёлым, надрывным вздохом пневматических тормозов не замер окончательно.

Воцарилась тишина. Мёртвая, ватная тишина, нарушаемая только завыванием бурана за стеной и тяжёлым, сиплым дыханием за пластиковой решёткой.Элиас медленно опустил взгляд на красный огонёк диктофона, лежащего у его скованных ног.

— Двадцать два двадцать, — прошептал он, и в его голосе впервые зазвучало искреннее, леденящее душу удовольствие. — Снежный занос в глухом перегоне. Ни связи, ни подмоги. И восемь часов до рассвета, доктор.

Кай поднял диктофон, вытер его о полу пальто и убрал в карман. Его пульс оставался ровным, хотя где-то под рёбрами неприятно кольнуло холодом. Совпадение. Обычная зимняя непогода на северной ветке.

— Сиди смирно, — коротко бросил он, поднимаясь. — Если дёрнешься — конвоиры оставили мне не только ключи, но и транквилизатор с дозировкой на крупного зверя.

Он вышел в коридор, плотно заперев за собой дверь купе на два оборота ключа, и сразу же наткнулся на проводника.

Артур стоял у открытого окна служебного отсека, судорожно тыкая пальцем в экран старенького смартфона. Синий свет дисплея подсвечивал его осунувшееся лицо, на котором блестели крупные капли пота, несмотря на ледяной сквозняк, тянущий из щелей.

— Сети нет, — выдохнул проводник, даже не оборачиваясь, словно говорил сам с собой. — Вообще ни одной палки. И рация в купе молчит — только белый шум, будто эфир кто-то глушит. Мы встали в Мёртвой пади, доктор. До ближайшего разъезда сорок километров через тайгу. Туда снегоочиститель раньше утра не пробьётся.

— Двери вагона заперты? — спросил Кай, подходя ближе. Его взгляд скользнул по открытой двери служебного купе, где на узком столике стоял недопитый стакан чая в подстаканнике и лежала раскрытая книга в потёртой обложке, а рядом — связка запасных ключей.

— На три оборота, с обеих сторон, — Артур наконец повернулся. Его глаза бегали, зрачки были неестественно широкими. — Никто не войдёт. И никто не выйдет.

— Что случилось?! Почему мы стоим?!Дверь первого купе распахнулась с резким стуком. На пороге стояла та самая высокая женщина в кроваво-красном пальто, которое она так и не сняла. Без шляпки её лицо казалось высеченным из бледного мрамора — острые скулы, тонкие губы, сжатые в нитку, и холодные серые глаза, в которых не было ни капли паники. Только брезгливое раздражение.

— Снежный перемёт, мадам, — Артур мгновенно попытался нацепить на лицо дежурную улыбку, но получилось жалко, словно судорога свела щеку. — Пути замело. Придётся переждать бурю. Вагон отапливается на автономном котле, так что не замёрзнем.

— Мне плевать на ваш котёл, — отрезала женщина, и её голос прозвучал чисто, звонко, без единой запинки — точно так, как описывал Элиас. — У меня в девять утра совещание в Озёрном. Если я опоздаю, ваша железнодорожная компания пойдёт по миру. Зовите начальника поезда.

— Наш вагон прицепной, последний в составе, — тихо ответил проводник, опуская глаза. — Переходной тамбур заклинило ещё на прошлой станции, я не смогу пройти к голове состава.

В этот момент открылись и остальные двери. Из второго купе вывалился грузный мужчина с платком — теперь от него пахло не только коньяком, но и кислым, липким страхом. Следом выглянула девушка с рюкзаком, вцепившись пальцами в лямки так, будто собиралась

прыгать с парашютом, а из пятого купе вышел высокий, нервный мужчина в дорогом свитере, за спиной которого маячила бледная женщина с заплаканными глазами.

— Что за чёрт здесь происходит? — прохрипел толстяк, промокая шею тем самым платком с крошечным бурым пятном. — У меня сердце прихватит в этой консервной банке!

Кай обвёл всех взглядом. Шесть человек в узком, тускло освещённом пространстве, отрезанном от мира тоннами снега. И за спиной у него, за тонкой деревянной дверью, сидел человек в пластиковом наморднике, который смотрел на них всех как на мясо.

— Успокойтесь, — голос Кая прозвучал негромко, но в нём было столько властной, привычной тяжести, что галдёж в коридоре мгновенно стих. — Я врач. Паника сейчас — худшее, что мы можем себе позволить. Вернитесь в свои купе, заприте двери изнутри и…

Он не успел договорить.

Сверху, со стороны вентиляционной решётки в потолке коридора, раздался тихий, влажный звук.

Кап…

Кай машинально поднял голову. Тёмная, густая капля сорвалась с металлической сетки и упала прямо на вытертую красную ковровую дорожку, в паре сантиметров от лакированного туфля женщины в красном.

За ней упала вторая. Потом третья — тяжелее, оставляя на ворсе тёмный, расползающийся след.

Запах ударил в ноздри через секунду. Сладковатый, железный, густой запах свежей, ещё не остывшей крови, смешанный с резкой вонью аммиака.

Девушка из четвёртого купе открыла рот, но вместо крика из её горла вырвался лишь сдавленный, свистящий хрип. Она медленно подняла дрожащий палец вверх.Сквозь узкие прорези вентиляционной шахты на них смотрел человеческий глаз — широко распахнутый, остекленевший, застывший в немом, вечном ужасе.

Глава 2

14 ноября, 22:34. Вагон СВ 09, коридор.

Тиканье часов в развороченной груди мертвеца казалось невыносимо громким. Оно отбивало секунды в мёртвой тишине вагона, словно метроном перед казнью.Кай Вэнс не двинулся с места, даже когда слова Элиаса повисли в спёртом воздухе, пропитав его липким ядом подозрения. Психиатр медленно перевёл взгляд на подол пальто высокой женщины из первого купе. Ткань была безупречной — тяжёлый, дорогой кашемир цвета запекшейся крови. Но на самом краю, чуть выше лакированного мыска туфли, чернела крошечная бахрома оборванной нити, словно зацепившейся за острый металлический край.

— Заткните его, — холодно бросила женщина, даже не опустив глаз. Её подбородок оставался гордо вздёрнутым, а тонкие пальцы в чёрных кожаных перчатках сжали ручку саквояжа так, что кожа натянулась до скрипа. — Кто бы там ни сидел, он ненормальный. И если вы, доктор, не приструните своего пса, я сама найду способ заткнуть ему глотку.

— Он прикован к полу стальной цепью толщиной в палец, мадам, — спокойно ответил Кай, не отрывая взгляда от её лица. — И заперт за дверью, ключ от которой лежит у меня в кармане. Он физически не мог забраться в вентиляционную шахту, вырезать человеку сердце и вернуться обратно под замок. А вот кто-то из присутствующих — мог.

— Вы смеете обвинять меня?! — её серые глаза вспыхнули ледяной яростью. — Меня зовут Вероника Штерн. Один мой звонок утром сотрёт в порошок и вас, и вашу богадельню!

— Утром, — тихо хмыкнул высокий мужчина в дорогом свитере из пятого купе. Он стоял, прикрывая собой бледную спутницу, но его собственные костяшки пальцев побелели, а на правой скуле пульсировала тонкая синяя жилка. — Если мы вообще доживём до утра. Вы видели, что с ним сделали? Это не ограбление. Это работа мясника.

— Закройте двери, — Кай повысил голос, перекрывая начинающийся ропот. — Все. Немедленно. Артур, принеси простыни из служебного отсека, нужно накрыть тело. И никому не выходить в коридор без стука. Я буду опрашивать каждого по очереди.

— Я никуда не пойду одна! — взвизгнула девушка с рюкзаком, вжимаясь в стену так, словно пыталась врасти в обшивку. — Он в вентиляции! Он ползает над нами! Я слышала шаги над потолком ещё до остановки!

Кай резко повернул голову к ней.

— Когда именно? — спросил он тихо, но с таким нажимом, что девушка вздрогнула

— Минут десять назад… или пятнадцать… — она сглотнула, глядя на психиатра огромными, полными слёз глазами. — Я надела наушники, но музыка ещё не играла. И прямо над головой что-то тяжело скреблось. Я подумала, это ветки бьют по крыше…

— По крыше в безлесном перегоне? — просипел грузный мужчина со второго купе. Он всё ещё сидел на полу, привалившись спиной к двери, и судорожно расстёгивал воротник рубашки. Его багровое лицо покрылось испариной, а взгляд метался от трупа к двери третьего купе. — Нет… нет, это не ветки. Это тот ублюдок за дверью! Вы слышали, что он сказал?! Откуда он знает про часы?! Откуда он знает про нитку, если он сидит взаперти?!

В коридоре снова повисла тяжесть — густая, удушливая, как дым в закрытой комнате. Все взгляды медленно, синхронно повернулись к двери третьего купе.Кай чувствовал, как ситуация выскальзывает из-под контроля. Паника — плохой советчик, но страх перед сверхъестественным превращает обычных людей в озверевшую толпу за считанные минуты.

— Элиас обладает обострённым слухом и развитой интуицией психопата, — отрезал Кай, доставая из кармана связку ключей. — Он слышит то, что вы говорите здесь, за тонкой перегородкой, и просто играет на ваших нервах. Артур, накрой тело. Остальные — по купе. Начнём с вас, мадам Штерн. Через пять минут я постучу.

Не дожидаясь возражений, психиатр отпер дверь третьего купе, шагнул внутрь и запер её за собой.

В полумраке синего ночника Элиас сидел в той же позе — сгорбившись, привалившись спиной к стене, с вытянутыми вперёд ногами. Но когда Кай вошёл, заключённый медленно поднял голову. Пластиковая маска глухо щёлкнула, когда он сглотнул.

— Вы пахнете его кровью, доктор, — прошептал Элиас, и в его голосе больше не было прежней насмешки. Только холодный, сосредоточенный интерес. — Свежей. Тёплой. Она ещё не успела свернуться. Значит, у него была первая группа… или вторая? Нет, запах слишком сладкий. Он болел. Сахарный диабет, верно?

Кай замер, не донеся руку до выключателя верхнего света. Он не осматривал карманы убитого, но на запястье электрика действительно темнел тонкий силиконовый браслет с медицинским символом.

— Откуда ты узнал про часы, Элиас? — тихо спросил Кай, подходя вплотную к столику. Его рука незаметно скользнула в карман пальто, нащупывая холодный стеклянный цилиндр шприца-тюбика с транквилизатором. — И про кашемир? Ты не мог видеть их из-за закрытой двери.

Заключённый тихо рассмеялся — сухо, отрывисто, словно закашлялся.

— Мне не нужно видеть, доктор. Вентиляционная шахта проходит через весь вагон, прямо над нашими головами. Когда он вскрывал того бедолагу… о, это была музыка. Рёбра хрустели, как сухие ветки под сапогом. А потом металл тихо звякнул о кость — я узнал этот звук. Старый механизм, пружина с ручным заводом. Такие часы носили лет сорок назад.

— А нитка?

— Сквозняк, доктор, — Элиас наклонил голову набок, и его бесцветные глаза блеснули в синем свете. — Когда люк вырвали, воздух потянул вниз. И я услышал, как шелестит дорогая шерсть, когда она шагнула ближе. Она не испугалась трупа, доктор Вэнс. Её пульс не ускорился ни на удар. Её разозлило только то, что кровь могла испортить её туфли.

Кай молчал, переваривая услышанное. Логика в словах маньяка была пугающе безупречной — и оттого ещё более опасной.

— Зачем ты это делаешь? — спросил психиатр, садясь напротив. — Зачем помогаешь мне? Ты убийца, Элиас. Ты не спасаешь людей.

— Я не спасаю их, доктор, — мягко возразил заключённый, подаваясь вперёд до натяжения цепи. — Я просто не терплю конкурентов на своей территории. В этом вагоне есть только один зверь. И если какой-то дилетант решил устроить здесь свою бойню… я хочу посмотреть, как вы его поймаете. А потом — я хочу услышать, как он закричит.

За дверью в коридоре раздался глухой стук, а следом — приглушённый, сдавленный вскрик и звук падающего тела.

Кай вскочил так резко, что столик опрокинулся набок. Не глядя на Элиаса, он рванул дверь на себя, вылетая в коридор.

Толстяк из второго купе лежал на полу, схватившись обеими руками за горло. Его лицо стало синюшно-багровым, глаза выкатились из орбит, а изо рта пузырилась розовая пена. Рядом с ним на ковре валялся опрокинутый граненый стакан в металлическом подстаканнике, из которого расплывалось тёмное пятно чая, пахнущее горьким миндалём и жжёной резиной.

Проводник Артур стоял в двух шагах, прижав ладони ко рту, и смотрел на умирающего с таким диким, животным ужасом, словно увидел призрака.

— Я… я только принёс ему чаю… с валерьянкой… — задыхаясь, пролепетал проводник, отступая назад к служебному купе. — Он сам просил… я не знал… клянусь Богом, я не знал!

Кай рухнул на колени рядом с бьющимся в судорогах мужчиной, пытаясь расстегнуть его воротник и нащупать пульс на сонной артерии, но пальцы скользили по холодному, липкому поту. Через десять секунд тело выгнулось дугой, замерло и обмякло.

Второй труп. Меньше чем за двадцать минут.

Кай медленно поднял голову и посмотрел в конец коридора. Дверь первого купе была приоткрыта ровно на ширину ладони. В узкой тёмной щели блеснул холодный серый глаз Вероники Штерн — и дверь бесшумно, мягко захлопнулась.

Кай сидел на корточках у второго трупа, не сводя взгляда с приоткрывшейся и тут же захлопнувшейся двери первого купе. Его собственные пальцы мелко дрожали — не от страха, а от холодной, кристальной ярости человека, которого водят за нос в запертой комнате.

— Не трогать стакан, — тихо, но так жёстко, что Артур вздрогнул, произнёс психиатр. Он поднялся, медленно разгибая затёкшую спину, и посмотрел на проводника. — Где ты взял воду, Артур? И откуда в ней валерьянка?

— В… в служебном купе… — проводник прижался затылком к деревянной обшивке, его глаза лихорадочно бегали по лицам высунувшихся из своих отсеков пассажиров. — У меня аптечка на полке стоит, открытая… Я налил из титана, капнул из пузырька, понёс ему… Он за дверь держался, задыхался весь, выхватил стакан и залпом… Я даже отойти не успел!

— Аптечка открытая, — повторил Кай, делая шаг к служебному отсеку. — И дверь в твоё купе была нараспашку, когда поезд встал. Любой мог зайти туда, пока ты торчал у окна со своим телефоном.

— Нет! Там никого не было! — завопил Артур, срываясь на визг. — Я бы заметил! Узкий коридор, мимо меня мышь не проскочит!

— Кроме тех, кто уже сидел в купе ближе к тамбуру, — раздался холодный, ровный голос.

Дверь первого купе снова открылась, и на пороге появилась Вероника Штерн. Она уже сняла своё кроваво-красное пальто, оставшись в строгом чёрном шёлковом платье с высоким воротом, которое подчёркивало её хищную, вытянутую шею. Ни единой складки, ни капли испарины на мраморном лбу.

— Ваша логика хромает, доктор Вэнс, — произнесла она, скользнув брезгливым взглядом по синюшному лицу мёртвого толстяка. — Служебное купе находится в самом начале вагона, сразу за тамбуром. Чтобы дойти до него из первого или второго купе, пришлось бы пройти мимо проводника. А вот из четвёртого или пятого… — её серые глаза медленно переместились вглубь коридора, — путь туда лежит напрямую. Без свидетелей.

— Вы что, на нас намекаете?! — из пятого купе выскочил высокий мужчина в дорогом свитере. Его лицо пошло красными пятнами, а кулаки сжались так, что затрещали костяшки. — Мы с женой с места не сдвигались! Вы сами видели!

— Видела, — холодно усмехнулась Вероника. — Видела, как вы вышли из купе через три минуты после остановки. Чем вы занимались эти три минуты, позвольте спросить? И почему ваша жена выглядит так, словно её сейчас вырвет не от вида трупа, а от собственной вины? Бледная женщина за спиной мужчины всхлипнула и закрыла лицо руками, отступая вглубь купе.

— Закрой рот, стерва, — процедил мужчина, делая шаг вперёд, но Кай мгновенно встал между ними, перекрывая узкий проход плечом.

— Ещё одно слово, и я запру вас обоих в разных купе под замок, — тихо сказал психиатр, глядя прямо в глаза мужчине в свитере. Его голос звучал ровно, без надрыва, но в нём было столько тяжёлой, подавляющей силы, что тот невольно отступил на полшага. — Никто никуда не уйдёт. Снег завалил пути минимум до утра. Либо мы сохраняем остатки рассудка и выясняем, кто из нас убийца, либо к шести часам утра здесь не останется ни одного живого

человека.Он повернулся к девушке из четвёртого купе, которая всё ещё сидела на полу у своей двери, обхватив колени руками и мелко дрожа.

— Как тебя зовут? — спросил Кай уже мягче, опускаясь перед ней на одно колено, чтобы оказаться на одном уровне с её глазами.

— Л-лиза… — выдохнула она, стуча зубами. — Лиза Морозова. Я… я студентка, в Озёрный на практику еду… Я никого не трогала, клянусь! У меня в рюкзаке только учебники и термос с чаем!

— Верю, Лиза. Вставай, зайди в своё купе и запри дверь на засов. Не открывай никому, даже если будут стучать и звать они. Откроешь только тогда, когда я назову твоё полное имя и дату рождения. Поняла?

Девушка судорожно кивнула, с трудом поднялась на ватных ногах и скрылась за дверью. Щёлкнул внутренний замок.

Кай выпрямился и обвёл взглядом оставшихся.

— Артур. Запри служебное купе. Ключи держи при себе, никому не отдавай ни при каких обстоятельствах. Сейчас ты пойдёшь со мной — мы осмотрим вещи покойного из второго купе. Нужно знать, кто он и зачем ехал этим рейсом.

— Я… я не пойду туда один, — прохрипел проводник, глядя на труп у своих ног.

— Ты пойдёшь со мной, — отрезал Кай. — А вы, господа, — он посмотрел на Веронику и пару из пятого купе, — разойдитесь по своим местам. Через десять минут я начну разговор с каждым из вас. И советую приготовить честные ответы. Потому что если не расколетесь вы, это сделает тот, кто сидит за третьей дверью. А его методы вам не понравятся.

Вероника едва заметно дёрнула уголком губ — не то усмешка, не то судорога раздражения — и молча скрылась в первом купе. Мужчина из пятого купе ещё секунду буравил Кая тяжёлым, полным ненависти взглядом, затем резко развернулся и захлопнул за собой дверь.

Коридор опустел. Остались только Кай, дрожащий как осиновый лист Артур и два тела, разделённые пятью метрами вытертого красного ковра.

Психиатр наклонился над убитым толстяком. Цианистый калий или его производное — действие мгновенное, характерный запах горького миндаля, синюшность кожных покровов, пена изо рта. Но в аптечке проводника не могло быть цианида. Значит, яд был принесён с собой. И подсыпан заранее — либо в стакан, либо в сам пузырёк с валерьянкой, пока Артур стоял у окна.

Кай осторожно, прихватив носовым платком, достал из внутреннего кармана пиджака мертвеца кожаное портмоне и раскрыл его.Водительское удостоверение на имя Виктора Громова, сорок восемь лет. Несколько крупных купюр, банковские карты… и сложенный вчетверо лист плотной бумаги с гербовой печатью.

Кай развернул документ, пробежал глазами по строчкам и почувствовал, как по спине пробежал ледяной, колючий холодок.

Это была повестка в закрытый суд города Озёрного по делу о халатности, повлекшей гибель пациентов в частном психоневрологическом интернате три года назад. Виктор Громов проходил по делу главным бухгалтером.

Психиатр медленно поднял голову и посмотрел на дверь третьего купе.В тот самый момент из-за толстого дерева донёсся тихий, приглушённый звук — словно Элиас тихо напевал себе под нос колыбельную, отбивая ритм стальной цепью по металлической раме полки.

Кай медленно перевёл взгляд на проводника. Артур стоял в дверях второго купе, вцепившись пальцами в косяк так сильно, что ногти побелели. Его лицо оставалось серым, словно пепел, а взгляд метался от раскрытого портмоне в руках психиатра к распростёртому в коридоре телу.

— Зайди внутрь и закрой дверь, Артур, — тихо приказал Кай.Проводник вздрогнул, сглотнул ком в горле, но подчинился. Он шагнул в тесное купе, прикрыл за собой дверь и привалился к ней спиной, тяжело дыша.

— Ты знал его? — спросил Кай, убирая повестку во внутренний карман своего пиджака и поворачиваясь к кожаной дорожной сумке Громова, стоящей на нижней полке.

— Н-нет, доктор… Первый раз в жизни вижу… — пробормотал Артур, вытирая тыльной стороной ладони пот со лба. — Я на этой ветке всего полгода работаю… До этого на южных направлениях ходил…

Кай не ответил. Он надел тонкие латексные перчатки из собственного саквояжа и одним резким движением расстегнул молнию сумки покойного. Внутри лежали аккуратно сложенные рубашки, несессер с дорогим одеколоном, пачка наличных, перетянутая банковской резинкой, и толстая синяя папка с завязками.

Психиатр развязал тесёмки и вытянул первый лист. Это была копия финансового отчёта за прошлый год, испещрённая пометками красным маркером. Ниже лежали распечатки банковских переводов на офшорные счета, а в самом низу — старая, выцветшая фотография.

На снимке, сделанном на фоне облупленного фасада какого-то двухэтажного здания с решётками на окнах, стояли пятеро. В центре — сам Виктор Громов, ещё не такой грузный, с самодовольной ухмылкой. Слева от него — женщина с холодным, властным взглядом и идеально уложенными тёмными волосами. Вероника Штерн. Даже на старом фото она выглядела так, словно владела всем миром.

Кай прищурился, вглядываясь в остальных людей на снимке. Справа от Громова стоял мужчина в белом халате с усталым, осунувшимся лицом — его подпись, размашистая и нервная, стояла в углу документа о списании препаратов. А чуть позади, в тени крыльца, виднелся силуэт молодого санитара в синей форме, чьё лицо было наполовину смазано движением, но на правом запястье, прямо под закатанным рукавом, темнела характерная, грубая отметина.

Кай медленно поднял глаза на проводника.

Артур смотрел прямо на фотографию в его руках. Весь страх, вся растерянность мгновенно схлынули с лица железнодорожника, оставив после себя лишь мёртвую, ледяную пустоту. Его плечи расправились, а дрожь в пальцах прекратилась так резко, словно кто-то щёлкнул выключателем.

— Положите снимок на место, доктор, — голос Артура изменился. Исчезла хриплая, заикающаяся интонация испуганного старика. Теперь он говорил тихо, глухо и пугающе ровно.

Кай не шелохнулся, лишь чуть сместил центр тяжести, готовясь к броску, но его правая рука уже скользнула к карману, где лежал шприц-тюбик.

— Вы работали в том интернате, Артур, — спокойно констатировал психиатр, не сводя глаз с его рук. — Не полгода на северной ветке. Вы были там санитаром. И этот шрам на запястье… Элиас устроил пожар в изоляторе, когда вы пытались его удержать? Или это сделал кто-то другой?

Уголок губ проводника дёрнулся в кривой, горькой усмешке.

— Вы умный человек, доктор Вэнс. Слишком умный для этой дыры. Но вы не знаете и десятой доли того, что творилось в «Тихой заводи». Штерн была владелицей этого места. Громов отмывал деньги, которые выделялись на лекарства и питание. А мы… мы просто закрывали двери и молчали, когда люди умирали от истощения и передозировки дешёвой дряни, которой заменяли нормальные препараты.

— И ваш напарник, Михаил? Он тоже был там?

— Миша был ночным сторожем, — глухо ответил Артур, опуская взгляд на пол. — Он единственный, кто сохранил копии журналов учёта. Собирался отнести их прокурору завтра утром, сразу после рейса. Громов знал об этом. И Штерн знала. Они оба купили билеты в этот чёртов вагон не случайно, доктор. Они ехали договариваться… или затыкать ему рот.

— А ты? — Кай сделал полшага вперёд, сокращая дистанцию. — Ты подменил валерьянку в аптечке? Ты убил Михаила в вентиляции, чтобы он не заговорил?Артур горько рассмеялся — сухо, надрывно, словно кашляя.

— Если бы я хотел убить Мишу, доктор, я бы не стал вырезать ему сердце и пихать туда дедовские часы. Я простой санитар, а не мясник. Когда поезд встал, я правда полез проверять вентиляцию, но в коробе уже лежало тело. Я испугался, закрыл люк и спустился вниз. А через две минуты появились вы.

— А яд в стакане?

— Аптечка стояла открытой, — Артур покачал головой, глядя на Кая с странной, обречённой усталостью. — Я налил воду, капнул из пузырька… Но пузырёк стоял на краю полки, не там, где я его оставлял утром. Кто-то подменил его, пока я отходил в тамбур проверять тормозную магистраль перед отправлением.

В этот момент за стеной, со стороны третьего купе, раздался резкий, оглушительный грохот металла о металл.

Звук повторился снова и снова — яростный, ритмичный лязг стальной цепи, которой Элиас со всей силы бил по металлической раме полки. А следом сквозь тонкую переборку прорвался его голос — уже не бархатный и не насмешливый, а сорванный на хриплый, звериный крик:— ОНА ВРЁТ! ДОКТОР, ОНА ВРЁТ! У НЕЁ В САКВОЯЖЕ! СМОТРИТЕ В ЕЁ САКВОЯЖ, ПОКА ОНА НЕ НАЧАЛА СНОВА!

Кай рванул дверь второго купе на себя и выскочил в коридор.Дверь первого купе была распахнута настежь. Внутри горел яркий верхний свет, но купе было пустым. На столике лежал раскрытый чёрный кожаный саквояж Вероники Штерн — пустой, если не считать бархатного футляра для хирургических инструментов, из которого не хватало трёх скальпелей и костных щипцов. А в самом конце коридора, у тяжёлой стальной двери переходного тамбура, которая, по словам проводника, была намертво заклинена, заскрежетал поворачиваемый в замке ключ.

Глава 3

14 ноября, 23:11. Вагон СВ 09, коридор.

Скрежет металла в конце коридора оборвался резким, сухим щелчком. Тяжёлая стальная дверь переходного тамбура приоткрылась ровно настолько, чтобы впустить в душный полумрак вагона порыв ледяного ветра со снежной пылью, и тут же захлопнулась, отрезав тусклый свет.

Кай рванулся вперёд, едва не поскользнувшись на вытертом ковре, пропитанном кровью электрика. За его спиной тяжело затопали сапоги Артура, но психиатр не оборачивался. В правой руке он уже сжимал шприц-тюбик с транквилизатором, сняв защитный колпачок большим пальцем.

Он ударил плечом в стальное полотно двери. Замок не поддался — изнутри щёлкнула тяжёлая задвижка, но следом не раздалось ни стука каблуков по рифлёному железу переходной площадки, ни скрипа соседней двери восьмого вагона. Только глухой, вязкий вой метели за обшивкой.

— Заперто! — крикнул Артур, подбегая и хватаясь за холодную ручку. Его лицо снова пошло серыми пятнами, а взгляд заметался по карманам форменного кителя.

— Не может быть! У неё не было ключа от межвагонного перехода! Он только у меня и у начальника поезда!

— Твой ключ, Артур, — процедил Кай, прижимаясь ухом к ледяному металлу двери и вслушиваясь в пустоту за ней. — Где твоя связка?

Проводник судорожно хлопнул себя по бокам, полез в карман брюк и вытащил звеневшее кольцо. Он перебрал ключи дрожащими пальцами — латунный трёхгранник с выбитой цифрой «9» был на месте. Все ключи были на месте.

Кай медленно отступил от двери, чувствуя, как под рёбрами разливается неприятный, колючий холод. Если Артур не выпускал связку из кармана, значит, дверь открыли дубликатом — или открыли её не со стороны вагона, а из самого тамбура. Но тамбур заперт снаружи на три оборота.

— Оставь, — оборвал его Кай, разворачиваясь лицом к коридору. — В первом купе пусто. Вернись туда и обыщи её вещи. Саквояж на столе, но там есть ещё чемодан на верхней полке. Ищи любые бумаги, билеты, лекарства. Не трогай ничего голыми руками, возьми полотенце. Я проверю остальных.

Артур кивнул, сглотнув, и почти бегом бросился обратно, стараясь не смотреть на накрытое простынёй тело Михаила и синюшный труп Громова, всё ещё лежащий у двери второго купе.

Кай подошёл к третьему купе и приложил ладонь к деревянной двери. Изнутри не доносилось ни звука. Ни звона цепи, ни тяжёлого дыхания. Тишина была такой плотной, словно купе опустело.

Психиатр быстро отпер замок и шагнул внутрь, готовый к чему угодно.Элиас сидел на полу, привалившись спиной к радиатору отопления под окном. Его голова была запрокинута назад, а глаза закрыты. Сквозь вентиляционные отверстия пластиковой маски на его подбородок и серую ткань парки медленно стекала тонкая, тёмная струйка крови.

Кай мгновенно опустился перед ним на колени, прижимая пальцы к сонной артерии на худой шее узника. Пульс был — ровный, сильный, ничуть не похожий на пульс умирающего человека.

— Элиас, — тихо произнёс Кай, не отнимая пальцев от его шеи. — Довольно театра. Что ты увидел?

Веки заключённого медленно поднялись. Бесцветные глаза сфокусировались на лице психиатра с пугающей, кристальной ясностью.

— Вы умнее, чем кажетесь, доктор, — прошептал он, и сквозь пластик маски просочился сухой, шипящий смешок. — Я просто прикусил щёку, чтобы вы быстрее открыли дверь. Мне нужно было сказать вам одну вещь, пока вы не пошли по ложному следу.

— Говори. У тебя десять секунд.

— Та женщина в красном… Вероника Штерн, — Элиас слегка повернул голову в сторону стены, разделяющей их со вторым купе. — Когда она кричала на вас в коридоре, её голос дрожал на верхних обертонах. Это не ярость хищника, доктор. Это животный, липкий ужас загнанной крысы. Она не убивала ни электрика, ни толстяка. И в тамбур она не убегала — её туда затащили. Или она сама спряталась там от того, кто действительно режет людей в этом вагоне.Кай замер. Слова заключённого ломали всю картину, которую он только что выстроил.

— А хирургический набор в её саквояже? — тихо спросил психиатр. — Исчезнувшие скальпели?

— Подарок от того, кто хочет повесить на неё чужую кровь, — прошипел Элиас, подаваясь вперёд до натяжения цепи. — Вы не на ту дверь смотрите, доктор Вэнс! В пятом купе… мужчина и женщина. Вы слышали, как они шептались перед остановкой? Женщина плакала, а мужчина… его голос не дрогнул ни разу. Даже когда упал труп из вентиляции. Сходите к ним. Посмотрите, что он прячет под свитером!

В этот момент за стеной, со стороны первого купе, раздался глухой, сдавленный вскрик Артура, звон разбитого стекла и тяжёлый удар тела о деревянную переборку.

Кай рванулся из третьего купе, на ходу выхватывая шприц-тюбик. Коридор был пуст, но дверь первого купе теперь была прикрыта лишь наполовину, и из-под неё на вытертый красный ковёр медленно вытекала тонкая, чёрная на тусклом свету струйка жидкости.

Тёмная жидкость на ковре не пахла кровью. Когда Кай, пригнувшись, толкнул дверь плечом и шагнул внутрь, в ноздри ударил резкий, едкий запах разлившейся туши или дешёвого коньяка, смешанный с запахом озона.

На полу, привалившись спиной к нижней полке, сидел Артур. Его форменная фуражка валялась в стороне, седые виски растрепались, а на левой скуле расплывался багровый кровоподтёк. Рядом с его ботинком блестели осколки толстого гранёного стакана.

— Живой? — Кай мгновенно опустился рядом, проверяя зрачки проводника и перехватывая запястье.

— К-кажется… — Артур зажмурился, судорожно хватая ртом воздух и прижимая ладонь к разбитой щеке. — Я только открыл её чемодан наверху… Дверь за спиной щелкнула, свет погас, и кто-то ударил меня чем-то тяжёлым по голове. Я даже не увидел, кто…

Кай поднял взгляд на верхнюю полку. Чёрный кожаный чемодан Вероники Штерн лежал раскрытым, его содержимое — шёлковое бельё, дорожные флаконы и папка с бумагами — было выпотрошено и разбросано по матрасу. Но психиатра привлекло другое.

Вентиляционная решётка над верхней полкой первого купе была отогнута внутрь. Не сорвана с мясом, как в коридоре, а аккуратно поддета плоским предметом и сдвинута в сторону, оставляя тёмный, узкий проём, достаточный для того, чтобы туда мог протиснуться худощавый, гибкий человек.

— Не закрывай дверь, Артур, — тихо бросил Кай, поднимаясь на ноги. — Иди в служебное купе, запрись изнутри и никому не открывай, пока я не назову пароль — «Мёртвая падь». Понял?

Проводник судорожно кивнул, с трудом поднялся, держась за стену, и побрёл к выходу, оглядываясь на каждый шорох.

Кай задержался в купе на десять секунд. Он быстро перебрал разбросанные на полке бумаги Штерн, стараясь не оставлять отпечатков. Среди договоров на поставку медицинского оборудования и выписок со счетов он наткнулся на тонкий конверт из плотной кремовой бумаги, вскрытый ножом. Внутри лежала фотография — не старая, как у Громова, а свежая, распечатанная на глянцевом принтере.

На снимке был изображён молодой человек в больничной пижаме, сидящий на железной кровати в пустой палате с облупленными стенами. На его лице была надета точно такая же пластиковая маска-намордник, как на Элиасе, только без вентиляционных прорезей в нижней части. А на обороте фотографии красным фломастером было выведено: «Он помнит каждый ваш укол, Вероника. И он уже в поезде».

Психиатр замер. Бумага в его пальцах казалась ледяной.

Если Вероника получила это письмо до посадки, она села в поезд не для того, чтобы убивать. Она ехала на встречу с шантажистом — или в ловушку, о которой её предупредили.

Кай убрал снимок в карман, вышел из купе и плотно прикрыл за собой дверь. Коридор теперь казался ещё более узким и давящим. Тусклый аварийный свет отбрасывал длинные, ломаные тени от каждого выступа, а стук метели в заиндевевшие стёкла напоминал торопливые удары десятков мелких костяшек.

Он прошёл мимо четвёртого купе, где заперлась студентка Лиза, и остановился перед пятым отсеком.

Внутри стояла мёртвая тишина. Слишком тихая даже для напуганных людей.

Кай приложил ухо к холодной фанере двери. Ни шороха ткани, ни шёпота, ни прерывистого дыхания. Только глухое, монотонное гудение старого котла под полом вагона.

Он коротко, твёрдо постучал костяшками пальцев.

— Откройте. Это доктор Вэнс.

Тишина.

Кай постучал сильнее, одновременно проверяя ручку. Замок был заперт изнутри на поворотную задвижку.

— Я знаю, что вы не спите, — громче произнёс психиатр, чувствуя, как по спине снова ползёт знакомый, липкий холодок. — Если вы не откроете через пять секунд, я выбью замок. У вас в купе только что сработала вентиляция, и нам нужно поговорить.

За дверью раздался быстрый, судорожный вздох, затем металлический скрежет задвижки, и створка отъехала в сторону ровно на ширину ладони.

В тёмной щели показалось лицо мужчины в дорогом свитере. Теперь его глаза были красными, налитыми кровью, а на левой руке, которой он держался за край двери, виднелись свежие, глубокие царапины — словно кто-то вцепился в него ногтями.

— Чего вам ещё нужно? — прохрипел он, не открывая дверь шире. — Мы никуда не выходили! Жена без сознания, у неё паническая атака, оставьте нас в покое!

— Отойдите от двери, — жёстко сказал Кай, упираясь плечом в створку и с силой толкая её внутрь.

Мужчина попытался удержать дверь, но психиатр был тяжелее и действовал на рычаг. Створка распахнулась, ударившись об ограничитель.

Купе было погружено в полумрак — горел только тусклый синий ночник над зеркалом. Женщина действительно лежала на нижней полке, отвернувшись к стене, укрытая с головой тяжёлым шерстяным одеялом. Её плечи мелко, судорожно вздрагивали.

— Я же сказал — ей плохо! — рявкнул мужчина, бросаясь к столику, где всё ещё лежал хромированный штопор.

Но Кай оказался быстрее. Он перехватил его за запястье, вывернул руку назад с отработанной в психиатрических отделениях точностью и прижал мужчину грудью к переборке, заставив выронить штопор на ковёр.

— Не дёргайся, — тихо, почти на ухо ему произнёс Кай, удерживая захват. — Иначе я сломаю тебе лучевую кость. Кто вы такие? И откуда эти царапины на твоей руке?

— Это… это жена! — задыхаясь, выкрикнул мужчина, пытаясь вырваться. — У неё истерика, она вцепилась в меня, когда вы начали ломиться в дверь! Отпустите, урод!

Кай не отпустил, но бросил быстрый, цепкий взгляд на женщину под одеялом. Одеяло на её спине не двигалось в такт дыханию. Плечи не вздрагивали — это просто тонкая металлическая вешалка, зацепившаяся за край ткани, мелко дребезжала от вибрации работающего под полом котла.

Психиатр рывком оттолкнул мужчину в угол дивана и сдёрнул шерстяное одеяло.

На полке лежала не женщина. Под одеялом были аккуратно уложены две подушки и дорожная сумка, накрытые женским шарфом.

А сама пассажирка из пятого купе исчезла.

— Где она?! — Кай развернулся к мужчине, схватив его за ворот дорогого свитера и приподнимая над полом. — Где твоя жена, мать твою?!

Мужчина смотрел на пустую полку расширенными, безумными глазами. Его челюсть отвисла, из горла вырвался лишь сдавленный, булькающий хрип. Он трясся так сильно, что зубы выбивали мелкую дробь.

— Она… она была здесь минуту назад… — прошептал он, указывая трясущимся пальцем на закрытую дверь купе. — Мы заперлись… дверь не открывалась… клянусь Богом, дверь не открывалась!

Кай медленно поднял глаза вверх.

Вентиляционная решётка под потолком пятого купе была плотно прикручена на все четыре заводских винта. Ни единой царапины, ни следа взлома.

Окно было заперто наглухо, за стеклом выла непроглядная снежная стена.

Дверь купе была заперта изнутри на задвижку, которую сам мужчина только что открыл перед Каем.В герметично запертой коробке размером два на полтора метра только что бесследно исчез живой человек.Тишина в пятом купе была настолько густой, что казалось, её можно резать ножом. Снаружи бесновалась метель, швыряя пригоршни ледяной крупы в чёрное стекло, а внутри горел только тусклый синий ночник, выхватывающий из темноты побелевшее, перекошенное от ужаса лицо мужчины в дорогом свитере.обрубленным звеном — металл не перепилили, его словно перекусили гидравлическими кусачками. Пластиковая маска-намордник всё ещё была на его лице, но её нижний ремешок был расстёгнут, и сквозь решётку проглядывали бледные, растянутые в широкой, жуткой улыбке губы.В правой руке заключённый сжимал тот самый похищенный из саквояжа Вероники Штерн хирургический скальпель, лезвие которого тускло поблёскивало в полумраке.— Сюрприз, доктор, — прошептал Элиас, и его голос, освобождённый от давящего пластика, зазвучал пугающе чисто и бархатно. — Оказывается, у вашего проводника очень плохая память на то, кому он раздаёт запасные ключи. И теперь у нас есть время поговорить по душам… пока я не вырежу голос у того, кто прячется за вашей спиной.Кай инстинктивно обернулся на долю секунды, но в пятом купе уже никого не было — потайная дверь в стене была распахнута настежь, открывая чёрный провал шестого отсека, из которого тянуло могильным холодом и запахом мятных леденцов.А когда психиатр снова повернул голову к коридору, Элиас уже летел на него, бесшумно скользя по пропитанному кровью ковру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.